

она исчезает раньше, чем еда; беспечность — это цена искусства. Хемингуэй в «Празднике, который всегда с тобой» писал, что Стайн расспрашивала его обо всех смешных происшествиях, случившихся с ним во время поездок на Ближний Восток или в Германию, — ей нравились курьезы и «рассказы, которые, по выражению немцев, отдают юмором висельника. Она хотела знать только веселую сторону происходящих в мире событий, а не всю правду, не все дурное».

И в ее собственном пересказе оккупация выглядит как идиллический фарс-гиньоль: «В Бельгарде горные парни (т.е. маки, участники Сопротивления. — NT) захватили немцев в плен и заставили работать, очищать картофельные кусты от колорадских жуков, это единственная сельскохозяйственная работа, которую одинаково ненавидят все французские мужчины, женщины и дети, и горные парни надеются совершенно очистить посевы от вредителей руками пленных немцев». Конечно, бывают и взаимные доносы, людей сажают, угоняют в Германию, а когда сила на стороне маки, они

Гертруда Стайн с ее партнершей и биографом Элис Токлас перед их домом во Франции, конец 1930-х годов

оказываются закономерно не такими уж милягами, но Стайн и тут сохраняет, если воспользоваться ядовитым выражением Милоша, легкую грусть идеалиста и спокойствие мудреца по отношению к кровавым событиям.

Эта эгоцентрическая поза — не человеческой, а художественной природы. Главная тема «Войн» (во множественном числе), которые видела Стайн, — закат XIX века и запоздавшее наступление века XX, то есть смена

мировоззрения. Вторая мировая война ознаменовала для нее отказ от веры в прогресс, возврат в темные века — этому посвящено у нее немало любопытных рассуждений (и справедливых, как показал XXI век с его новым великим переселением народов и терроризмом, который окончательно стер границы между войной и миром). «Наверное, одиноко было людям в Средние века, и вполне понятно, они, конечно, были заняты, добывая пропитание, но абсо-